

Гугль-Гоголь, Гоголь-Гугль... Из небесного далека глядя на мир с доброй, грустной, но и лукавой усмешкой, Гоголь, зная, как функционирует сеть (особенно соблазнов), сознает, насколько провидчески поделился своею фамилией с будущим, в котором никто не может обходиться без Гугла...

...Иван Иванович никогда не помирится с Иваном Никифоровичем, и ситуация эта настолько типическая, насколько мир, изменившись внешне, мало изменился внутренне.

Чичиков не будет ныне восприниматься подлецом: нормальное желание разбогатеть — что ж поделать, что честно не реализовать оное? Мы ж в России... Приятнее взирать на нее из римского далека, возможно, под тамошним солнцем реже встречаются Хлестаковы и те же Чичиковы... хотя... они всемирное антидостояние. Всеобщее: врут везде, аферы затевают, не стремясь к чистоте душевной, не слишком видя разницы между живой душой и мертвой. Мертвая — усохшая, как у Плюшкина, не реагирующая на чужую боль — только если на свою обиду. Мертвая — до того еще, как умерло тело.

Много феноменов психики зафиксировал Гоголь, роскошно гроздью персонажей одарив грядущее человечество. И персонажи эти — в большинстве своем — не менее реальны, чем ваши соседи. Вон в соседнем дворе Ноздрев снова, захватив куражу в дозе допинга, брешет, размахивая руками. Вон сладко прожектирует современный Манилов, давно потерявший грань между явью и вымыслом.

И несется, все несется, не останавливаясь, не открывая цели своей, птица-тройка...

РЕЦЕНЗИИ

ЖИВОЙ ТУРГЕНЕВ

Ирина Чайковская. Такой разный Тургенев: к 200-летию со дня рождения.

М.: Академический проект, 2018. — 215 с.: ил.; Вокруг Тургенева. М.: Академический проект, 2023. — 388 с.: ил.

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) оставался центром литературной жизни России на протяжении трех десятилетий, от первых публикаций «Записок охотника» до «Дыма» и «Нови». Его читали (хваляли или ругали) «все», но критиков, независимо от разногласий, отличал один и тот же прямолинейный подход: вымышленные персонажи (любого автора, не только Тургенева) рассматривались так, как если бы речь шла о реальных людях или о героях бытовых очерков — что Лаврецкий с Базаровым, что Антон-Горемыка и гуттаперчевый мальчик. Авторы же вели талант, интуиция и верность внутреннему голосу. У каждого так называемая правда жизни преломлялась по-своему. Их миром была литература, а не журналистика.

Конечно, полное понимание системы художественных средств большого мастера возможно только при ретроспективном взгляде на его творчество. Тогда замечаешь и привыкаешь к тому, что если, например, у Достоевского в начале романа появляется князь, то он будет либо ущербным, либо ничтожеством, и что если объявлена свадьба, то она не состоится, а в самый драматический момент произойдет массовая сцена со скандалом. Труднее осознать, что мертвые души — пожизненно главная приманка для Гоголя (начиная с утонувшей панночки и Вия) и что поэтому не случайно привлек его авантюрный сюжет о Чичикове, рассказанный ему, по его словам, Пушкиным. Еще менее заметна формула, которой следовал Лермонтов: чужак разрушает

мир, в который он врывается непрошеным («Морская царевна», «Тамань», «Княжна Мери» и пр.). Формулен и Тургенев, и есть сходство между ним и Лермонтовым, хотя его герой не столько чужак, сколько везде лишний. В отличие от многих, Тургенев свою формульность, возможно, сознавал. Путь его героя лежал от полного надежд юноши или молодого мужчины к «лишнему человеку». Он же и придумал это зловещее словосочетание (повесть «Дневник лишнего человека»).

То ли в советские времена, то ли еще раньше в лишние люди записали всех подряд, от Онегина до Бельтова и Рудина: такое было время, что недюжинным людям вроде бы негде было применить свои способности. Впрочем, те же критики с восторгом повторяли фразу старухи Изергиль: «В жизни всегда есть место подвигу». Отчего же бельтовы не воспользовались такой возможностью? Мне кажется, что первым не лишнего, а отстраненного человека описал Боратынский («Разочарованному чужды все обольщения прежних дней», «Я сердца моего не скрою хлад печальный», «Все мнится, счастливы я ошибкой» и пр.). Большим поэтам свойственно открывать мир раньше, чем прозаикам. Разочарованным и, безусловно, отстраненным был Онегин (мы не совсем знаем, почему). И еще более Печорин. А Рудин — «уж не пародия ли он?» Вполне возможно, что частично и пародия.

Вопрос о том, откуда взялся этот тип (то разочарованный, то совсем уж лишний), не может быть решен между делом. Не исключен элемент случайности. Байрон всех своих персонажей лепил с самого себя, хрестоматийно байронического типа. Туманный романтический идеал неразделенной любви породил ставшего лишним Вертера, и по Европе прокатилась волна самоубийств (жизнь стала подражать выдумке). Боратынский с юности страдал от жестокой депрессии — таким себя и изобразил («Бежит неверное здоровье»). Лермонтов («Фаталист») считал себя обреченным. Он и должен был придумать Печорина, хотя иронически отстранился от него (как и Пушкин от своего героя, но тот без всякой иронии). Примеров множество. Тем не менее записывать всех от Вертера до Рудина в один полк нелепо. Тургеневский же герой не бунтующий разбойник и не «сын века», а лишний, то есть неприкаянный и одинокий.

Тургенев в повестях и романах постоянно описывал трагических неудачников. И как давно замечено, для него персонажи были важнее сюжета. Поэтому с его героями и происходят всяческие неожиданности. Например, мы узнаем, что у Лаврецкого умерла нелюбимая жена (что, конечно, случается в жизни, но выглядит натяжкой в романе) и он может жениться снова и быть счастливым. Однако вдруг оказывается, что никто не умер и счастье недостижимо. «Почти внезапно» умирает от родов героиня «Первой любви», и умирает от болезни героиня рассказа «Фауст». Развязка сочинена наспех; драма во всех случаях забываема.

Писарев, восхищавшийся разночинцем Базаровым, заявил, что всего убедительнее в «Отцах и детях» смерть героя и что прекрасно видеть, как нигилист превращается в реального человека. Умирает Базаров (носитель довольно оскорбительной фамилии, которой в реальной жизни не существует) и в самом деле трогательно. Только зачем ему умирать? Порезался при вскрытии трупа? Повторю: в жизни бывает всякое, а в романе (повести, рассказе) ни умереть, ни случайно выздороветь не полагается. Искусства этого не избежал и Толстой. По уже в самом раннем варианте намеченному плану Наташа должна была выйти замуж за Пьера. Поэтому маленькую княгиню пришлось убить при родах, а князя Андрея — на войне. Эти же две ситуации постоянны и у менее значительных авторов (в дело еще шла скоротечная чахотка, косившая тогда людей тысячами). В совсем плохих романах и повестях персонажи попадают в железнодорожную катастрофу или под машину. Умереть литературному герою можно, только выполнив свое назначение, как умирают Макбет и Гамлет. А Тургеневу надо было завершить сюжет. Что бы он делал с Базаровым, если бы тот остался жив?

И Инсаров умирает по дороге, и Елена растворяется в дымке, хотя оба они не «лишние» никому, кроме автора. Гончаров, почти всегда Толстой и всегда Достоевский доводят сюжет до логического конца, а Тургенев обрывает повествование, когда герой ему больше не нужен. И как умна на этом фоне недосказанность у Пушкина: «По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу»!

Вся старая (а после разгрома формалистов и Бахтина и советская) критика была глуха, когда речь шла об «эстетических отношениях искусства и действительности», и Чернышевский, провозгласивший, что прекрасное есть жизнь, глуше всех (он посвятил разбор «Аси» статью «Русский человек на rendez-vous»). Зато у него имелся рецепт: надо не болтать и переживать (заметим, как рано проник в тургеневскую схему близкий к «жизни» Чернышевский), а делать «дело». Под делом понималась революция. Что делать? Революцию (бунт)! И Добролюбов, хотя и чуть менее застегнутый на все пуговицы, думал так же. Ему, как и Чернышевскому, нужны были люди «дела»: вот придет «настоящий день», и перевернут русские инсаровы Русь верх дном. Так и случилось, но несколько позже. Тургеневу же подобные люди были чужды и в жизни, и на страницах романов. Что «делал» Базаров? Резал лягушек, вскрывал трупы, приставал к Фенечке и как-то не по-базаровски влюбился в женщину с роскошным телом, «хоть сейчас в анатомический театр», то есть в покойницу, к прозекторам. (Заметил ли кто-нибудь, как страшно отомстил ему этот анатомический театр? Наверно, заметил.)

Тургенев прекрасно понял смысл знаменитой рецензии, хотя, как рассказывает Чайковская, в конце жизни признавал, что из всех критических отзывов добролюбовский был самым глубоким. Что бы ни говорил постаревший Тургенев, Добролюбов и в 1860 году, то есть даже на десять лет позже «Дневника лишнего человека», не осознал сути тургеневского метода и не заметил, как ходулен болгарин Инсаров, хотя и признал, что сражаться с поработителями отечества (в Болгарии хозяйничали турки) — это не совсем то же, что подбивать народ к восстанию против собственного правительства. Именно это (я имею в виду призыв к бунту) в почти незавуалированной форме сделал на год позже Чернышевский в рецензии на рассказы Глеба Успенского. И заглавие рецензии — эхо добролюбовского вопроса: «Не начало ли перемен?».

Бороться с судьбой, ломать установленный порядок — это не для Тургенева. Его стихия — быть «лишним». Отсюда двойственность «Дыма» (1867), огорчившая и «правых», и «левых». Писарев пришел в ярость, а Тютчев (давний поклонник Тургенева) расстроился: там, где шумел волшебный лес, теперь «безотрадный, бесконечный дым». Он надеялся, что дым рассеется и снова зазеленеет «волшебный и родной» лес. Но после «Дыма» появилась «Новь» (1877), и лес не зазеленел. Кажется, что в обоих романах Тургенев частично ломал себя. Оттого вино окончательно превратилось в укус: знакомые сюжетные ходы, но все они вели в тупик. «Дым» и «Новь» — вроде бы единственные книги Тургенева, которые давно никто не перечитывает, хотя в обеих много блестящих страниц.

Даль свободного романа претила Тургеневу. Его стихия — рассказы и повести, а еще он был несравненным лириком и сатириком. Описания в «Записках охотника» не имеют себе равных (не только «Бежин луг» и «Живые мощи»!), а стихотворения в прозе неподражаемы. То же относится к любовной линии его повестей. Мне неизвестен круг чтения современной российской публики, но можно лишь пожалеть тех, кто в юности не прочел «Асю», «Первую любовь» и «Вешние воды», и тех, кто не застывал от смеси ужаса и истомы от «Песни торжествующей любви». На взрослых эти вещи (сегодня) такого впечатления не производят, но ведь «Таинственный остров» и «Приключения Тома Сойера» тоже надо читать вовремя. Лишь повести Белкина можно с радостью и удивлением перечитывать в любом возрасте.

Выше я только упомянул сатирический талант Тургенева, и здесь не место развивать эту тему, а она заслуживает внимания. Взять хотя бы бал у губернатора в «Отцах и детях» (это после Гоголя-то!) или портрет Павла Петровича Кирсанова, классически-тургеньевского лишнего человека. Обвинять Тургенева в том, что его талант ограничен, было бы столь же нелепо, как обвинять Скрябина, что он не писал опер и балетов, а Левитана — что он не изображал батальных сцен.

В наше книжное время (поток макулатуры не в счет) Тургенев выжил как великий мастер и неподражаемый лирик. Не то важно, что он сочинил вхруст зацитированный панегирик русскому языку, а то, как он им пользовался. Любовь к Тургеневу не требует оправдания. Не был он во всем образцом совершенства, но кто же был им? Теперь, почти через полтора века после его смерти, видно, что ни поучения Чернышевского и Добролюбова, ни гневное разочарование Писарева, ни издевательства Достоевского в «Бесах» не причинили Тургеневу ни малейшего вреда. Исследователи по-прежнему возвращаются к нему не только «ради науки», но и для вдохновения. Среди них Ирина Чайковская, которая пишет для так называемого широкого читателя, то есть не для литературоведов (хотя, конечно, и для них тоже), а для всех, кому интересен путь одного из лучших европейских писателей девятнадцатого века.

При жизни Тургенев был не только самым известным прозаиком в России (чего ему и не прощали некоторые коллеги), но и самым переводимым русским автором. Это сегодня тройка Достоевский — Толстой — Чехов так затмила своих предшественников и современников, что других порой и не упоминают. (Впрочем, нигде не упоминают и своих. Попробуйте поговорить с молодым и средних лет французом о Стендале или Мериме, а с англичанином — о Троллопе или даже Томасе Харди.) Связям Тургенева с Западом посвящены очерки Чайковской «Соприкосновения культур, Тургенев и Генри Джеймс: американец на rendez-vous (Генри Джеймс и Иван Тургенев в типологическом контексте)» и «Генри Джеймс и русская община в Париже во главе с И. С. Тургеневым в конце 1870 — начале 1880-х годов».

Джеймса, написавшего очень много, на русский язык переводили, хотя, кажется, заметили в основном только «Портрет женщины». Чайковская знает Джеймса досконально, а этот роман едва ли не наизусть, и удивительны почти дословные совпадения между ним и тургеньевским «Накануне». Тургенева и гораздо младшего Джеймса многое роднит не только в литературе: оба, хотя и по-разному, прошли жизнь без семьи, и оба полжизни прожили за границей — Тургенев, как известно, во Франции и Германии, а родившийся в Америке Джеймс — в Италии и Англии. Тургенев свободно говорил по-английски (нечастый случай в те времена) и при встречах с Джеймсом не должен был прибегать к французскому. Замечу между делом, что обширную литературу о Тургеневе, как и романы Джеймса, Чайковская читала в оригинале. Джеймс очень любил Тургенева, хотя видел его слабости (их трудно было не заметить). Тургенев и Запад — живая тема. Например, в 2015 году в журнале «Асте» (Италия) была опубликована статья о влиянии Тургенева на Вирджинию Вульф (68/2:19-86: итальянская исследовательница, но по-английски).

Нетривиальны и отступления Чайковской. Одно из них (именно в главе о Джеймсе и Тургеневе) связано с прототипами тургеньевских героинь (связь Полозовой из «Вешних вод» и Ирины из «Дыма» с Полиной Виардо). Столь же интересно предположение, что цельные женские характеры, памятные всем, читавшим Тургенева, могли оказать влияние на Джеймса. (Есть, по-моему, сходство и в сатирических описаниях, но Джеймс мягче Тургенева. Например, его героиня пошла смотреть картину Джотто, но забыла дома путеводитель. Где же висит то, рекомендованное в Бедекере полотно? Она готова восхититься, но где предмет восхищения? Тургенев бы написал ядовитую карикатуру.) Я сожалею, что в сочинениях такого жанра, в котором пишет Чайковская,

не принято помещать указатели имен. А «имен» в ее книге десятки: и «хромой Тургенев» (декабрист, чудом избежавший петли), и В. А. Жуковский, и его сын Павел, и многие, многие другие, и все, сказанное о них, увлекательно.

Тургеневу было свойственно писать портреты своих героев с себя. Неудивительно поэтому, что и его ближайшее окружение отразилось в некоторых рассказах, повестях и романах. Не последнее место в жизни Тургенева занимала его мать. Иван Сергеевич был младшим из трех братьев. Средний умер рано, а выжившие оказались во власти вдовы Варвары Петровны. О ней Чайковская говорит подробно. Тиранка, хрестоматийная крепостница, была именно такой, какой она представлена в «Муму». (Хороший рассказ «Муму», но зачем было все-таки убивать собаку? Что значила верность слову, данному капризной, жестокой хозяйке? Я думаю, что не о могучем Герасиме, а о слабом себе написал Тургенев. Это новелла о слабости силы и неотвратимости трагедии: ведь трагедия мужчины, игрушки судьбы, — главное у Тургенева, и, как сказано, во всех его произведениях характеры убедительнее сюжетных ходов и развязок.)

Мать держала сыновей на коротком поводке, так что Тургенев стал материально независимым лишь после ее смерти, а была она богатейшей помещицей. Богатство не принесло ей счастья. Красавец муж, отец Тургенева (Иван Сергеевич пошел лицом в мать), женился «на приданом». Сюжет «Первой любви» взят из жизни семьи Тургенева. По предположению Чайковской, мучительная смерть отца, совсем нестарого человека, и смерть его любовницы, княжны Шаховской, навсегда поселили в Тургеневе страх смерти, хотя мнителен он был не без причины. (Шаховская, прототип Зинаиды, впоследствии вышла замуж и действительно умерла от родов, но в жизни, повторю, бывает всякое, а повесть — конструкция: в ней все устроено или, по крайней мере, должно быть устроено по-другому.) Важнее иное: у Шаховской был незаконнорожденный ребенок. Что с ним стало?

Здесь возникает один из самых увлекательных сюжетов, исследованных Чайковской. Кто такая Биби (Варвара Житова), любимая воспитанница Варвары Петровны, девушка, к которой в более поздние годы братья Тургеневы особой любви не питали? Дочь Шаховской от Сергея Николаевича, взятая нескольких дней от роду в дом Варвары Петровны? Или внебрачная дочь самой жестокосердной хозяйки?

Надо отметить образцовое владение Чайковской источниками, а источников и исследований великое множество. В те времена люди писали друг другу многочисленные пространные письма. Письма часто оставались в домашних архивах, и если они связаны со знаменитостями, то теперь, конечно, изданы и изучены. Не погибли и письма к ним. Чайковская все, связанное с Тургеневым, включая и эпистолярное наследие семьи, прочла. Окончательного ответа о тайне Биби нет. Скорее всего, едва ли Биби была дочерью Варвары Петровны от домашнего врача, молодого ловеласа Андрея Берса (фамилия эта памятна потому, что дочь Берса, Софья Андреевна, стала женой Льва Толстого). Значит, дочерью Сергея Николаевича? За что же ее так любила Варвара Петровна? Других кандидатов вроде бы не обнаружено. Хотя ответа нет, второй вариант более вероятен. Его осторожно поддерживает и Чайковская.

Есть события и эпизоды в жизни «замечательных людей», которые известны даже тем, кого эти люди нисколько не интересуют. Один из них «Пушкин и Дантес», другой — «Чайковский и фон Мекк». К ним же, я думаю, относится сюжет «Тургенев и Полина Виардо». Об этом романе (если позволителен здесь термин роман) в книгах Чайковской три главы: «Полина Виардо с разных сторон», «Немецкая нота в истории любви Ивана Тургенева и Полины Виардо» и «Иван Тургенев в 1857—1859 гг. Полина Виардо, Полинетта Тургенева, Поль Виардо — развитие отношений (на основе переписки)».

Если кто-нибудь еще помнит самый знаменитый роман Жорж Санд, то заметит, что Консуэло во многом списана с Полины Виардо. Полина была неотразимо некрасива (именно так!), но мужчины теряли от нее голову, будто эта женщина владела любовным напитком. Была она еще безгранично талантлива (как и ее отец, и старшая сестра, тоже великая певица, но умершая молодой). Луи Виардо, директор итальянской оперы, женился на Полине, когда той было восемнадцать лет, а ему почти сорок. Его портреты сохранились и воспроизведены в обеих книгах. Тургенев был постоянным гостем в семье Виардо и оставался лучшим другом Луи.

Чайковская пишет (2023: 358): «Тургенев прекрасно научился ладить с мужем Полины, используя „онегинскую стратегию“: „Но вы, блаженные мужа, с ним оставались вы друзья“. Позднее той же стратегией воспользовался Владимир Маяковский и по отношению к Осипу Брику, и особенно к Михаилу Яншину, мужу Вероники Полонской». Тургенев делал все, чтобы «мир» не разгадал истинных отношений во французском треугольнике. Малоосведомленные люди и не разгадали. В пьесах «Провинциалка» и гораздо лучше известной «Месяц в деревне» (о них речь идет в очерке «Иван Тургенев в 1850 г. Жизнь в двоимирье») знакомый треугольник, но «третий лишний», хотя и влюблен, роковой черты переступить не смеет. Тургенев усердствует, предупреждая сплетню: «Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя» (с. 327). Конечно, в жизни «лишний человек» — это он сам, но в Куртавнеле он лишним не был. Лишним частично оказался Луи, и немисливо вообразить, что в этом *ménage à trois* Луи был слеп и глух. (А уж об Осипе Брикке и говорить нечего!) Хотя и не чета Тургеневу, на расстоянии полутора веков идиотом он не кажется.

Судьба и здесь посмеялась над Тургеневым: он пережил Луи Виардо лишь на несколько месяцев. Великий мастер слова, Тургенев придумал не только фразу *лишний человек*, но и другую: *жизнь на краешке чужого гнезда*. Вопросом о том, что знал о сложившейся ситуации Луи, сегодня заниматься не стоит: все трое искусно притворялись. Луи по какой-то причине терпел («рогоносец величавый» — это явно не про него), Полина успешно играла роль верной жены, но трагическая фигура в треугольнике — Тургенев. Ни в одной строке Чайковская не позволяет себе сказать лишнего, хотя и не сомневается, о ком и о чем «Песня торжествующей любви». В конце «Песни» героиня ощущает в себе зарождение новой жизни.

Вполне вероятно, что Поль Виардо, впоследствии знаменитый скрипач, — сын Тургенева. Генри Джеймс писал, что дети в семье Виардо Тургенева обожали. И вправду вроде бы обожали славного «Тургеля» (он был своим человеком и участвовал во всех домашних развлечениях так же, как в лесных вылазках Луи: оба были страстными охотниками — только Луи не оставил «Записок»), но, став взрослыми, не могли же они не понимать, зачем вечным гостем (отнюдь не нахлебником) жил у них этот странный холостяк, знаменитый русский писатель, шутник и балагур, говоривший на их языке изобретательнее их самих. А еще Тургенев не придумал ничего лучше, чем послушаться совета Полины и послать свою незаконную дочь от русской матери (Полинету) во Францию, где она воспитывалась в семье Виардо (последствия столь катастрофического плана было легко предсказать). Этот предмет тоже исследован в книгах.

Но не романом с Полиной Виардо прославился Тургенев. Естественно, что Чайковская описала связи Тургенева с литературным миром. Здесь особенно важны записки Панаевой и Григоровича. Пристрастная и злоязычная Панаева терпеть не могла Тургенева, а заодно и его возлюбленную. И ее мемуары, и ее необъективность хорошо известны, но полузабыты мемуары Григоровича, а Чайковская подробно рассказывает о них. Тургенев встает со страниц этих воспоминаний совсем непохожим на того, кого изобразила Панаева. Григорович был членом редакции «Современника», в котором Некрасов играл столь видную роль, и есть в книге очерк (глава) «Иван Тургенев

и Николай Некрасов. Сходство любовных переживаний». Один из эпитафий к ней — обращенные к Тургеневу строки Некрасова: «Бог дал тебе свободу, лиру / И женской любящей душой / Благословил твой путь земной». Некрасов и Панаева — сюжет, лишь внешне сходный с тургеневским, но треугольник был. Жутко все это читать. А тут еще Герцен и Огарев, тоже не пропущенные Чайковской.

Раскол «Современника», вызванный рецензией Добролюбова, — материал для школьных учебников, но нельзя забывать (о чем в книге говорится подробно), что долгое время Тургенева и Некрасова связывала самая искренняя дружба (см. приведенный выше эпитафий!). В литературных кругах давным-давно гуляет фраза Тургенева, что поэзия в стихах Некрасова даже не ночевала. Ничего не пропустившая Чайковская, говоря о ссоре Тургенева с журналом (и, соответственно, с Некрасовым), этой фразы не приводит, из чего, я заключаю, следует, что ни в одном из источников она ей не попала. Когда, где и кому сказал или написал такое Тургенев? Если сказал, то, конечно, после 1860 года. Хорошо бы узнать источник и контекст. К литературным сюжетам в книге принадлежит и большой очерк «Мария Александровна Маркович (Марко Вовчок) и Иван Сергеевич Тургенев. История отношений».

Книга 2018 года заканчивается подборкой черно-белых и цветных иллюстраций (там и красавица Панаева, и респектабельный Луи Виардо, и молодой Генри Джеймс, и все, все, все) и тремя лирическими миниатюрами из жизни Тургенева, по стилю напоминающими новеллы Паустовского (такие, как «Ночной дилижанс», «Корзина с словыми шишками» и другие).

Вырос ли из Базарова лопух, вопрос спорный. Из бесчисленных авторов девятнадцатого века, безусловно, вырос, а Тургенев выдержал конкуренцию со своими великими современниками и не омертвел, как многие другие классики. Волшебный лес не погиб. Я уверен, что те, кто прочтут книги Чайковской, захотят перечитать многие места в них, а главное (главное!) — самого Тургенева. Лучшей награды литературоведу нельзя себе и представить.

Анатолий ЛИБЕРМАН

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Игорь Волгин. Круговая порука. Жизнь и смерть Достоевского (из пяти книг). М.: Культура, 2023. — 870 с.

Начну с издательской аннотации.

«Игорь Волгин — историк, поэт, исследователь русской литературы, основатель и президент Фонда Достоевского. Его книги, переведенные на многие иностранные языки, обозначили новый поворот в мировой историко-биографической прозе.

Настоящее издание является своего рода путеводителем по нескольким фундаментальным работам автора. Основанная на многих неизвестных или малоизученных обстоятельствах, эта книга позволяет представить жизнь и смерть Достоевского как непреходящую национальную драму».

Все это не рекламное преувеличение, а, что называется, медицинский факт. Но книга эта не просто путеводитель — я бы назвал ее экстрактом или квинтэссенцией, если бы не был уверен, что в могучем волгинском пятикнижии — «Родиться в России», «Пропаший заговор», «Ничей современник», «Странные сближенья», «Последний год Достоевского» — остались «неохваченными» не менее важные идеи и факты. Однако «Круговая порука» выявила их круговую поруку — их взаимодействие, создающее синергетический, системный эффект, как это всегда и бывает в настоящем